В ряде случаев документальна даже интонация тех или иных речей; она так отчетлива и исторически реальна, что не может быть сомнений в ее подлинности. Обида и раздражение звучат в словах, с которыми обратился Всеволод Ольгович к Мстиславичам, когда узнал, что новгородцы отказываются принять к себе его сына Святослава: „Новогорода не березета; ать седять сами о своей силе, кде князе не налезуть" (стр. 220). Когда посол Изяслава Мстиславича, прибыл в Галич и повел речь, Владимир Галицкий прервал его на полуслове — с явным намерением возможно обиднее оскорбить Изяслава; летописец несомненно точно, со слов самого посла — Петра Бориславича, передал его высокомерный и нетерпеливый окрик: „Вы того до сыти есте молвили; а ныне полези вон, поеди же к своему князю" (стр. 318). Когда после смерти Изяслава Мстиславича в Киев поспешил приехать Изяслав Давидович, старый Вячеслав, дядя покойного Изяслава, встретил его следующими словами, полными и гнева и скрытой тревоги: „Пошто еси приехал и кто тя позвал? Еди же у свой Чернигов!" (стр. 323). Тот же Изяслав Давидович, когда собрался итти походом на Ярослава Галицкого и, в ответ на свое приглашение Святославу Ольговичу принять участие в этом походе, получил отказ, переданный ему через посла — Георгия Ивановича, „с яростью" стал угрожать своему двоюродному брату, — и „ярость" эта, действительно, отчетливо сквозит в его словах, приведенных летописцем: „Ведомо ти буди, брате, всяко не ворочюся, уже есмь пошел; но се молви, Георгий, брату Святославу: оже ты сам не идеши, ни сына пустиши, аже ми бог дасть успею Галичю, а ты тогда не жалуй на мя, оже ся почнешь поползывати из Чернигова к Новугороду" (стр. 342).

Самая лаконичность, краткость речей — в духе той суровой, полной феодальных раздоров воинственной эпохи — свидетельствует, с моей точки зрения, о их документальности. Многие из них во всяком случае поистине замечательны по той выразительности, с какой воспроизводят они рядовую княжеско-дружинную фразеологию XII в.: „Курьску изволи ити" (стр. 218), „поиди, княже, к нам, хочем тебе" (стр. 230), „не лежи, княже; Глеб ти пришел на тя вборзе" (стр. 253), „иди в Божьскый и пребуди же тамо, доколе я схожю на отца твоего" (стр. 258), „аче ти мя убити, сыну, на сем месте, а убий, а яз не еду" (стр. 276), „ты ми еси отець, а се ти Киев, а се волость; которое тобе годно, то возми, а иное мне вдай" (стр. 278), „не твое веремя, поеди прочь" (стр. 279), „осе рать!" (стр. 288), „да ни мне будеть Переяславля, ни тобе Киева" (стр. 327), „мне отчина Киев, а не тобе" (стр. 329), „что, княже, стоиши? Поеди из города; нам их не перемочи" (стр. 372), „брате, а не ищю под тобою ничего же, но ряд нашь так есть: оже ся князь извинить, то в волость, а мужь у голову; а Давыд виноват" (стр. 409) и проч.

Тот факт, что летописец иногда запоминал и точно воспроизводил не только речи, посольские и непосольские, но и отдельные реплики, отдельные слова, сказанные в той или иной обстановке, — не подлежит сомнению; рассказывая под 1151 г. о битве у Лыбеди, летописец упомянул,